

Конфликтологическое прочтение концепции дерискинга американско-китайских торговых отношений

Мусаев А. И.^{1*}, Ахмед З. М. С.¹, Шихиев З. Ф.²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *rashidmuss@yandex.ru

²Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В данной статье авторы подвергают критическому анализу концепцию дерискинга, которая активно предлагается западным экспертным сообществом в качестве новой стратегической основы американско-китайских торговых отношений. Под дерискингом понимается переход от политики радикального разрыва американской экономики с торговым партнерством Китая к риторике снижения риска, которая подразумевает ограничение зависимостей и вытекающих из них рисков и не предполагает полного разрыва торговых контактов с партнером. На основе исследования обширного исторического материала, а также применяя современные конфликтологические методы анализа рисков, авторы статьи приходят к выводу о том, что управленческая стратегия дерискинга не имеет необходимой для анализа политического измерения международных экономических отношений концептуальной оптики и, следовательно, неспособна объяснить, что есть действительный источник рисков.

Концептуальная нежизнеспособность идеи дерискинга обусловлена пренебрежением закона неравномерности развития капиталов, детерминирующего межгосударственные отношения и учетом того непреложного факта, что глобальная экономика есть поле неуывающего конфликта в рамках экономической конкуренции, формирующей пространство активного функционирования рисков. Постоянное присутствие рисков в международных отношениях делает конфликт то источником, порождающим риски, то их результатом. На примере американско-китайских торговых отношений авторы статьи демонстрируют, как попытка возвышения партнера, которому была уготована участь аутсайдера, порождает у риск-бенефициара ответную реакцию вернуть аутсайдера в его родное лоно посредством минимизации последствий риска для себя за счет других.

По мнению авторов, за стратегией дерискинга, в сущности, может скрываться стремление увеличить интеллектуальную ренту, взимаемую при продаже западных патентов и технологий. Реакцией на возможность утраты своего монопольного положения является рождение импульса встряхнуть отношения и изменить их динамику в нужном для себя направлении. Эти импульсы обнажают присущие порядку системные противоречия и детерминируют вспышку нового витка горячей торговой войны. Пребывая в отношении отрицательного единства, участники не располагают иным выбором, кроме как достигнуть, одинаковых для всех участников, целей обогащения посредством отрицания друг друга, и всякий раз предпринимая попытки установить неэквивалентный экономический обмен в свою пользу.

Ключевые слова: дерискинг, торговая война, риск-бенефициары, риск-аутсайдеры капитал, монополия, риск-рефлексия, отрицательное единство, США, Китай

Для цитирования: Мусаев А. И., Ахмед З. М. С., Шихиев З. Ф. Конфликтологическое прочтение концепции дерискинга американско-китайских торговых отношений // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 51–66.

A Conflictological Interpretation of the Concept of Derisking US-Chinese Trade Relations

Abdurashid I. Musaev^{1*}, Ziad M. S. Ahmed¹, Ziyad F. Shihiev²

¹Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; *rashidmuss@yandex.ru

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russian Federation

ABSTRACT

In this article, authors critically analyze the concept of derisking. Derisking is actively promoted by the Western expert community as a new strategic basis for US-China trade relations. Derisking refers to the transition from the policy of radical breakdown from the trade partnership with China to the rhetoric of risk reduction, which implies limiting dependencies and risks arising from them. It does not imply a complete rupture with a partner. Based on the extensive historical material study, as well as applying modern conflictological methods of risk analysis, authors come to the conclusion that derisking management strategy does not have the conceptual optics necessary for analyzing political dimension of international economic relations and is unable to explain what is the source of risks in reality.

Conceptual non-viability of derisking is due to disregard for the uneven capital development regularity, which determines the interstate relations. Global economy is a space of unfading conflict within the economic competition, and therefore eternal risk activity. The constant presence of risks in international relations makes conflict either a source that generates risks, or their result. On the example of the US-China trade relations, authors demonstrate how an attempt to elevate a partner who was designated for the outsiders' fate generates a response from the risk-beneficiary to return the outsider to his native bosom by minimizing the consequences of risk for himself at the expense of others.

In fact, behind the derisking strategy, lies desire to increase the intellectual rents' price paid for Western patents and technologies. The reaction to the possibility of losing one's monopoly position creates an impulse to shake up relations and change their dynamics in the right direction for oneself. These impulses expose inherent systematical contradictions and determine the outbreak of a new round of a hot trade war. While staying in the negative unity relations, participants have no other choice but to achieve the goals of enrichment, which are the same for all participants, through denying each other, and aspire every time to establish unequal economic exchange in their favor.

Keywords: derisking, trade war, risk-beneficiaries, risk-outsiders, capital, monopoly, risk reflection, negative unity, USA, China

For citing: Musaev A. I., Ziad M. S. A., Shihiev Z. F. A Conflictological Interpretation of the Concept of Derisking US-Chinese Trade Relations // Administrative consulting. 2024. N 3. P. 51–66.

Введение

Современное политическое бытие в международных отношениях невозможно отделить от рисков как явления, которому приписывают роль всеобъемлющих альфы и омеги, оказывающих решающее воздействие и даже в какой-то мере конституирующих весь современный комплекс межгосударственных отношений. По меткому выражению одного из пионеров современного научного направления рискологии Мэри Дуглас «язык риска зарезервирован в качестве специализированного лексикона для политических разговоров о нежелательных результатах» [3, с. 242–276]. Под управлением рисками сегодня вообще могут понимать управление в целом. В особенности это касается маневрирования в чрезвычайно запутанных политических водах, где шторм может иметь внешний вид штиля и тихой гавани.

Подобное теоретико-методологическое наблюдение в еще большей мере подтверждается стремлением западного экспертного сообщества институализировать

такие новые нарративные методологические концепты, как дерискинг (de-risking), или дерискизация. Некоторые авторы называют дерискинг самым модным словом в жаргоне экспертных политических кругов в США. Своему рождению данное понятие обязано противоречивым характером американо-китайских отношений, которые можно было бы охарактеризовать таким уже давно проверенным временем и весьма емким выражением как торговая война. О дерискинге как о новом содержании межгосударственных отношений, изобретенном с целью снижения риска зависимостей сторон взаимодействия, говорят и европейские страны. Например, премьер-министр Великобритании Риши Сунак вообще заявил, что Китай представляет собой самый серьезный вызов для мировой безопасности и общего процветания, поскольку обладает средствами и намерением перестроить мировой порядок. В этом вопросе, по словам британского премьер-министра, лидеры Японии, США, Канады и стран Европы продемонстрировали единство и решимость в деле противодействия Пекину [15].

Понятие «дерискинг»

Однако что же, в сущности, понимают под новым понятием дерискинга? Так, например, согласно мнению, представленному в журнале *Foreign Policy*, дерискинг знаменует собой заметный переход от политики радикального отрыва американской экономики от торгового партнерства с Китаем к риторике дерискинга или снижения уровня зависимости, который потенциально несет тяжелые риски и угрозы для национальной безопасности. Дерискинг подразумевает ограничение рисков, но не предполагает при этом полного разрыва с партнером. Следование новой стратегии дерискинга в будущем может позитивно сказаться на экономике и безопасности США. Отказ от полного разрыва экономических отношений с Китаем, по мнению большинства американских политиков, представляется для США нежеланным и, вероятнее всего, маловероятным сценарием по нескольким причинам. Во-первых, Китай является крупнейшим в мире производителем товаров, объем производства которого эквивалентен объему производства всех заводов США, Германии и Японии вместе взятых [14]. Разрыв связей приведет к дефициту товаров и росту инфляции, а разрыв связей с Китаем в таких некритичных секторах станет выстрелом себе в ногу. Во-вторых, изоляция США и Китая друг от друга ускорило бы фрагментацию глобального экономического ландшафта. Остальным странам мира пришлось бы выбирать между Соединенными Штатами и Китаем. Китай является крупнейшим торговым партнером большинства стран, и дальнейшее укрепление и развитие этих связей с динамично развивающимися экономиками может усилить глобальное влияние Китая. В-третьих, разрыв всех связей с Китаем, как полагают эксперты, уменьшает экономические взаимозависимости, которые дают Вашингтону рычаги влияния на Пекин. Партнерам есть что терять, если отношения оборвутся, даже если это партнерство содержит в себе антагонизм конечных интересов и целей. Санкции США в отношении Китая, которые были бы введены в случае возникновения конфликта на Тайване, были бы бесполезны, если бы у Вашингтона и Пекина отпали торговые и финансовые связи. Иными словами, экономическая взаимозависимость между Соединенными Штатами и Китаем действует как сдерживающий фактор против территориальных притязаний Китая [17].

В этой связи представляется полезным обобщить ключевые идеи, концептуальные принципы, цели, а также инструменты реализации стратегии дерискинга.

Безусловно, как и прежде, главной целью Соединенных Штатов является сохранение и укрепление своего статуса как мирового технологического лидера, а китайские технологические фирмы, сокращающие разрыв от своих американских визави, представляют риск для монополии США. Даже несмотря на нынешний виток существенных экономических противоречий, американский истеблишмент

осознает, что Китай все равно станет крупнейшей экономикой мира к 2040 г. [27]. Это может устраивать США, как считает экономист А. Демаре, но даже в этом случае их экономика должна иметь наибольшее значение. На практике же снижение рисков от торговых отношений направлено на ограничение доступа Китая к передовым технологическим инновациям США, и возможное разрешение допуска его к менее совершенным технологиям. Вторая цель стратегии дерискинга заключается в том, чтобы помешать китайской армии получить доступ к передовым технологиям США военного назначения, например, к микрочипам двойного назначения, которые могут быть установлены в ракетах. Еще одной целью называют стремление к уменьшению чрезмерной зависимости от Китая в отношении жизненно важных товаров. В этой связи перенос производства сырья и товаров стратегического назначения на территорию США является ключевой особенностью планов Вашингтона по снижению рисков [17].

Стратегия снижения рисков отношений с Китаем для США должна в первую очередь быть реализована в трех областях: информационные технологии, энергетика и биотехнологии. Сектор информационных технологий является областью повышенного внимания, особенно в сфере полупроводников, искусственного интеллекта (ИИ) и квантовых вычислений. Эти три технологии могут использоваться как в гражданских, так и в военных целях, и китайские фирмы становятся самыми передовыми в этих областях, тем самым представляя угрозу интересам американского политико-экономического сообщества. Китайское финансирование технологий ИИ соответствует финансированию Пентагона [24], а на долю Китая приходится половина мирового государственного финансирования квантовых вычислений, что в семь раз больше, чем доля Вашингтона [12]. Энергетический сектор станет еще одним приоритетным направлением, по которому планируется снижение рисков, и это связано с глобальной климатической повесткой. Как отметил советник по национальной безопасности США Джейк Салливан, Соединенные Штаты хотят избежать превращения цепочек поставок товаров из серии экологически чистой энергии в инструмент давления, как это было с нефтью в 1970-х годах. Вашингтон, по словам Салливана, хочет обеспечить безопасность поставок критически важного материала лития, технологий (включая аккумуляторы для электромобилей) и оборудования (такого как солнечные панели), которые будут иметь решающее значение для экологически чистой экономики [23]. Биотехнология является третьим приоритетным сектором, представляющим риски-зависимости. Биотехнологический сектор Китая быстро растет, и страна хочет стать мировым лидером в этой области в ближайшее десятилетие [16]. В еще большей степени, чем ИТ-сектор, биотехнологии опираются на знания и доступ к данным или алгоритмам, которые могут быть переданы по электронной почте или простому цифровому носителю информации. Для американских политиков потеря технологической монополии в этой сфере несет громадные риски, поскольку заблокировать передачу знаний и данных будет гораздо сложнее, чем остановить физический экспорт стратегических товаров [17].

В рамках дискурса применения стратегии дерискинга появляется необходимость разработки инструментов для новой экономической политики Соединенных Штатов. В частности, рассматривается возврат к политике экспортного контроля. Такая политика широко использовалась во время холодной войны, чтобы помешать Советскому Союзу получить доступ к технологиям двойного назначения. Эта политика в наше время является проверенным методом замедления технологического прогресса Китая. Широкий экспортный контроль коснется, прежде всего, таких товаров, как: полупроводники, технологии квантовых вычислений, искусственный интеллект. Во-вторых, складывающаяся в международных отношениях конъюнктура обуславливает выстраивание собственной внутренней промышленной

политики. Закон, направленный на снижение инфляции на 369 млрд долл., который фокусируется на энергетической безопасности и климатической политике, ознаменовал собой поворот в экономической политике США [21]. После десятилетий относительного невмешательства Вашингтон стремится обеспечить внутренний рост промышленности, между тем стратегия снижения рисков одновременно создаст спрос на наемный труд американских граждан. Кроме того, администрация Байдена стремится контролировать как внутренние, так и внешние инвестиции. Это является еще одним поворотным моментом, поскольку эта мера призвана ограничить способность американских фирм создавать производственные линии в Китае [13].

Третье возрождение связано с сотрудничеством США с союзниками и партнерами-единомышленниками. Саммит G-7, например, ранее не имевший большого значения, теперь является ключевым форумом, где обсуждаются меры по снижению рисков в отношениях с Китаем. Вашингтон также активизирует двусторонние инициативы, такие как Соглашение между Соединенными Штатами и Японией о стратегических полезных ископаемых и Совет по торговле и технологиям США и ЕС — трансатлантическую площадку, где обсуждаются актуальные вопросы искусственного интеллекта, технологических стандартов и стратегических ресурсов [17].

Несмотря на стройность, рациональность и политическую обоснованность предлагаемой стратегии страхования от рисков, проистекающих из противоречивых торговых отношений, в академическом и экспертных сообществах можно обнаружить немалую долю скепсиса относительно безболезненной реализации стратегии дерискинга. По мнению профессора К. Миллера, данная «менее дорогостоящая» стратегия может быть обречена на провал ввиду нескольких непреодолимых обстоятельств и факторов.

Во-первых, правительство Китая считает, что оно сможет преодолеть технологические ограничения со стороны западных стран. Китаю уже противостоит организованная коалиция, созданная для сдерживания его технологического и военного развития. Пекин оказался отрезан от передовых полупроводниковых технологий, а приток венчурного капитала в Китай прекратился. Тем временем, Япония удвоила расходы на оборону и закупила ракеты, способные наносить удары в глубь территории Китая. Согласно трехстороннему пакту безопасности, в рамках альянса между Австралией, Великобританией и США, Америка и Британия будут поставлять Австралии атомные подводные лодки, а Филиппины и Папуа-Новая Гвинея предоставят Америке новые возможности военного базирования. Во-вторых, иностранные транснациональные корпорации уже делают шаги по переносу производства из Китая, и это, по мнению Миллера, делает принятие статус-кво еще более худшим вариантом для экономики Китая. Западные фирмы не прислушиваются к политической риторике. Корпорации предпринимают дорогостоящие шаги по реструктуризации своих отношений с Китаем. Иностранные инвестиции в Китай резко сократились, отчасти из-за замедления экономики страны и непрозрачного регулирования, но также из-за того, что крупные компании переносят производство технологий и электроники в другие страны Юго-Восточной Азии, Индию и Мексику. Отмечается также, что фирмы нацелены организовывать отдельные технологические структуры для Китая и для остального мира. Это предполагает отделение китайских производственных операций от остальных цепочек-поставок по всему миру. Подобные корпоративные решения могут привести к более резкой раздвоенности, чем предполагает стратегия снижения риска экономической зависимости. В-третьих, Пекин преследует свои собственные цели по снижению зависимости от западных производственных технологий, стремясь при этом усилить зависимости Запада от китайской продукции, что не может не привести к напряженности в сфе-

ре торгово-экономических отношений, учитывая, что положительное сальдо торгового баланса Китая в сфере промышленных товаров продолжает расти. Во многом положительность баланса обусловлена доминированием продукции Китая в сфере зеленой энергетики, где он одновременно надеется сократить зависимость от импорта нефти и сделать остальной мир зависимым от китайского производства солнечных панелей и аккумуляторов. Резкий рост экспорта китайских электромобилей в Европу является одним из примеров претворения в жизнь этих усилий. В то же время в технологическом секторе Китай субсидирует строительство крупных производственных мощностей по производству недорогих чипов, которые он будет продавать по сниженным ценам, чтобы подвинуть своих западных производителей на рынке. Китай надеется, что эти чипы будут интегрированы в широкий спектр промышленных товаров, создавая новую зависимость от китайских компонентов, которые одновременно с этим благоприятствуют собственной независимости от импортных высокотехнологичных продуктов [25].

Более того, сама идея и непосредственная реализуемость стратегии дерискинга категорически отрицается в Китае. В академических и экспертных кругах Китая рассматривают дерискинг как попытку прикрыть нацеленность на полный разрыв отношений, поскольку стратегические амбиции США неизменны и преследуют собственные интересы безопасности, которые могут быть соблюдены при условии сохранения позиции доминирования в международных отношениях. Используя с помощью приемов дерискинга более мягкий тон в политическом дискурсе, в США предполагают убедить остальные страны по блоку присоединиться к этой стратегии, несмотря на риски, которые провоцируются дерискингом. Поиск европейских капиталов и государств возможностей вырваться из пут, накладываемых подчиненным положением в отношениях с мировым гегемоном и обретение большей стратегической независимости и контроля над собственными судьбами, может увенчаться успехом в случае если каждый из субъектов будет выстраивать собственную независимую политику в отношениях с КНР, согласно своим подлинным национальным или корпоративным интересам [26].

Следует согласиться с тем, что попытки вести независимый курс действительно предпринимались. Этот факт подтверждается заявлениями британского министра иностранных дел Джеймса Клеверли, который рассматривает Великобританию как самостоятельный субъект, взаимодействующий с Китаем на двусторонней и многосторонней основе с целью формирования открытых, конструктивных и устойчивых отношений, которые отражают глобальную роль КНР. При этом британский глава МИДа верит во взаимовыгодный характер торговли и инвестиционных отношений не допускающий излишних зависимостей в критически важных производственно-сбытовых цепочках [20]. Подтверждением этих слов также могут служить статистические данные, отражающие современные тенденции во взаимоотношениях ЕС и Китая. В докладе 2023 г. под названием «От китайской стратегии к отсутствию стратегии вообще — исследование различных европейских подходов», подготовленного европейским аналитическим центром, отмечается, что, несмотря на общую риторику в тоне противостояния, экономическая интеграция ЕС и Китая все-таки усиливается, значительно отставая от США. Китайский экспорт в ЕС был динамичным, увеличившись более чем на 8 процентов по сравнению с 2022 г., в то время как импорт сократился на ту же величину. Тем временем в 2022 г. прямые инвестиции из Европы в Китай вышли на второе место по показателю динамичности среди аналогичных показателей, взятых за всю историю. Международные европейские инвесторы, тем не менее, ослабляют свои позиции на китайских финансовых рынках, идя в фарватере своих американских партнеров. Однако, как утверждается в докладе, это не помешало европейским финансовым институтам продолжать расширять свою деятельность в КНР, поскольку Пекин продолжает медленно открывать свой финансовый сектор [18].

На фоне вышеизложенных тенденций в международных политических процессах небезынтересными для настоящего исследования также выступают аналитические обобщения иного характера. В частности, просматривается сценарий, в рамках которого градус антагонистичности американо-китайских отношений может снизиться и без взаимных политических и экономических санкций, и это обусловлено прогнозируемым экономическим спадом в КНР. Потенциальный рост ВВП Китая в силу экономических неурядиц может сократиться до 3–4% в год, что намного ниже 10%, которых он достиг за последние несколько десятилетий. Среди других причин отмечаются: стареющее население, чрезвычайно высокая безработица среди молодежи, высокий уровень долгового бремени как в частном, так и в государственном секторах, сокращение частных инвестиций в результате давления со стороны правящей партии, а также приверженность государственному капитализму, который может препятствовать общему росту промышленной производительности. Кроме того, внутреннее потребление в Китае снизилось из-за углубления экономической неопределенности и отсутствия широкой системы социальной защиты. С наступлением дефляции Китаю приходится беспокоиться и о наступлении длительного периода замедления роста, как это случилось в свое время с экономикой Японии. Как и многие развивающиеся рынки, КНР в конечном счете может оказаться в «ловушке среднего дохода», вместо того чтобы достичь статуса страны с высоким уровнем дохода и стать крупнейшей экономикой мира. Китай вложил большие средства в самые передовые технологии будущего (искусственный интеллект, машинное обучение, полупроводники, квантовые вычисления, робототехника и автоматизация, а также новые источники энергии, такие как термоядерный синтез) в рамках своей программы «Сделано в Китае-2025», но его цель достичь краткосрочного доминирования в 10 отраслях будущего пока далека от своего осуществления. Более того, Китай окружен почти 20 странами, многие из которых являются стратегическими соперниками или «заклятыми друзьями». Инициатива «Один пояс, один путь» пока не обеспечила Китай странами-сателлитами, сталкиваясь со многими проблемами, включая масштабные неудачные проекты, которые приводят к дефолтам по долгам [19].

Торговые войны партнеров

Таким образом, как явствует из вышеописанных нарративов, в рамках которых видится формат межгосударственных отношений между Соединенными Штатами и Китаем, страны очутились перед трудно разрешимой «дилеммой». В этой связи авторам нарративов так называемой стратегии дерискинга или поборников полного разрыва всех контактов между государствами стоит напомнить, что возможное разрешение этой дилеммы кроется в самой истории, которая согласуясь с капиталистическими законами, имеет свойство постоянно себя воспроизводить. В сущности, указать следует на то, что рассмотренные сценарии постоянно актуализировались в большом изобилии в прошлом, причем носителями рисков друг для друга непосредственно становились страны-союзники по социально-экономическому блоку. Подобные сценарии конфликтного взаимодействия писались по лекалам банальных торговых войн, которые можно считать естественным результатом конкуренции в мировой экономике.

По весьма точному замечанию отечественного экономиста Л. В. Сабельникова, торговля в мире капитала перестает быть взаимовыгодным сотрудничеством, а превращается в агрессивную войну. Тенденция перерастания конкуренции в глобальную войну монополий была отмечена в 1979 г. в совместном заявлении социалистических стран на V сессии Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). В нем указывалось, что «соперничество между главными экономическими центра-

ми в системе мирового капитализма все больше перерастает в необъявленную торговую войну» [8, с. 5].

Понятием «торговая война» обозначается обострение конкуренции на капиталистическом рынке, выходящее за рамки отношений между компаниями. Ведомые интересами монополий государства сначала призывают ограничить поток иностранных товаров, затем прибегают к репрессивным мерам и санкциям. Тем самым столкновение интересов отдельных компаний перерастает в конфликты между государствами. В своем исследовании торговых войн Л. В. Сабельников приводит следующие примеры торговых войн, вспыхивавших между западными странами партнерами на протяжении XX в. В середине 50-х гг. между США и Швейцарией возникла «часовая торговая война»; в начале 60-х гг. между США и странами ЕЭС разразилась «куриная война» из-за увеличения импортных сборов на битую птицу, импортируемую американскими фермерами в Западную Европу; в начале 70-х гг. между США и Японией вспыхнула «текстильная война» в связи с угрозой установления американским конгрессом квот на ввоз текстиля; в середине 70-х между США и ЕЭС разразилась «сырная война», после того, как Вашингтон намерился применить специальный налог при вывозе сыра из Западной Европы, если ЕЭС не прекратит субсидирование экспорта; в 80-х годах между США и Японией разворачивается «война колес», а между США и ЕЭС — «стальная война» в связи с ограничением Вашингтоном поставок японских автомобилей и западноевропейской стали на внутренний рынок в интересах американских монополий; во второй половине 70-х гг. между Францией и Италией разразилась «винная война» вследствие увеличения поставок дешевого итальянского вина, разоряющего французских фермеров; в начале 80-х гг. в особенно острую фазу вступила «баранья война», вспыхнувшая между Великобританией и Францией [8, с. 7–9].

Несмотря на преобладание в повестке международных экономических отношений ярких заголовков американо-китайской торговой войны, торговые противоречия между странами ЕС и США никуда не исчезли. Как и прежде, в нынешние времена, вводятся и действуют различные протекционистские меры, в частности на экспортируемую из США в страны ЕС продукцию. Напряженность в отношениях между США и ЕС актуализировалась в 2018 г., когда администрация Трампа ввела тарифы на европейскую сталь и алюминий. ЕС ответил своим перечнем тарифов на сельскохозяйственную и промышленную продукцию США стоимостью около 3 млрд долл., которые включал тариф в 25% на виски. Тариф был введен в действие в июне 2018 г. В следующем году экспорт виски из США сократился на 16%, главным образом из-за сокращения экспорта в ЕС на 27%, или на 186 млн долл. [22]. С 1993 г. между ЕС и Соединенными Штатами велась банановая торговая война с активным применением протекционистских тарифов с обеих сторон [28, с. 502–518].

Общность интересов современных антагонистов

Однако, невзирая на наличествующие и по сей день экономические противоречия между западными партнерами по общему рынку и военному блоку, все внимание научного сообщества приковано к развернувшейся торговой войне КНР и США. Парадоксально, но современному конфликтогенному состоянию американо-китайских отношений предшествовало сближение двух стран на определенном историческом этапе. На обширном фактическом материале советский историк А. К. Лаврентьев характеризует данное сближение как естественное взаимное притяжение двух центров, которое отвечало корыстным интересам обеих стран. В 1978 г. З. Бжезинский во время своей поездки в КНР открыто констатировал наличие «очень сходных интересов» США и Китая. Потепление в отношениях разыгрывалось на политической авансцене в виде «игры в поддавки», в рамках которой Пекин преследовал свои

великодержавные цели превращения Китая в мирового гегемона, идя на серьезные уступки американскому империализму. По словам Лаврентьева, Пекин не только упорно противодействовал процессу разрядки, но и стремился разжечь новые очаги военной напряженности в мировом масштабе путем искусственного создания региональной нестабильности и союзничества с воинствующими кругами западных стран [4, с. 156–171].

Исторические факты красноречиво говорят о том, что пекинские лидеры выступали против миролюбивых инициатив со стороны Советского Союза по ядерному разоружению и сокращению военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН на 10%. Враждебность позиции Китая относительно мирных инициатив подкреплялась многочисленными проявлениями экспансионистской политики в отношении собственных соседей. В 1965 г. маоисты спровоцировали открытую конфронтацию между трехмиллионной Коммунистической партией Индонезии и реакционными силами страны, вызвав тем самым активное брожение и распространение идей религиозного фанатизма. Эти события впоследствии привели страну к финансово-экономическому коллапсу. Прокитайский марионеточный режим Пол Пота в Камбодже организовал геноцид, унесший жизни 3 млн чел. и привел к социальной, экономической и культурной деструкции. Независимый курс внешней политики Вьетнама, выразившийся в налаживании мирного сотрудничества и торговых отношений со странами АСЕАН, а также помощь народу Камбоджи в борьбе против режима геноцида стал поводом для Пекина вторгнуться в 1979 г. во Вьетнам со своей 600-тысячной армией. Встретив решительный отпор со стороны вьетнамского народа, агрессия Китая завершилась полным поражением. Лаврентьев в этой связи отмечает, что Пекин активно противодействовал стремлениям народов Анголы, Эфиопии, Афганистана и Ирана в их борьбе за обретение независимости и суверенитета. Еще до ввода советского воинского контингента в Афганистан Пекин осуществлял подготовку отрядов боевиков в лагерях на своей территории и в Пакистане, обеспечивая их оружием и боеприпасами. Эти группировки участвовали в организации антиправительственных мятежей в Герате в 1979 г. и в Кабуле в 1980 г. [4, с. 156–171].

Небольшой исторический анализ развития американо-китайских отношений дает нам основание утверждать, что начиналось все как удачный брак по расчету. В этом отношении нельзя не согласиться с взглядом А. К. Лаврентьева, согласно которому Вашингтон использовал антисоветский курс руководства КНР с целью изменения в свою пользу соотношения сил на мировой арене, но при этом Вашингтон старался не замечать, что за антисоветизмом Пекина стоят империалистические притязания сторонников маоизма. Следует отдать должное советскому историку Лаврентьеву, который провидчески указал на то, что в конечном итоге, несмотря на конъюнктурное единство позиций, в будущем произойдет столкновение американского и китайского империализмов, преследующих несовместимые гегемонистские цели. О глобальных стратегических замыслах достижения гегемонизма говорили как откровенные заявления министра обороны КНР Линь Бяо о готовности в будущем высадиться в Японии, на Филиппинах и Сан-Франциско, так и распространяемый в китайской массовой печати в конце 70-х гг. лозунг «XXI век — век китайцев!» [4, с. 173].

Власть рисков в мире конкуренции

Безусловно, характерный для внешней политики обоих государств антисоветизм времен холодной войны можно в определенной мере считать достаточной основой для трансформации аморфной заинтересованности в долгосрочную «дружбу». Однако, на наш взгляд, эта основа является совсем непрочной для обеспечения долгосрочного

союза. Политический союз двух стран, инспирированный дружбой против общего политического врага, не может существовать вечно, поскольку, как показала история, этого противника может не стать. В основе пресловутого сближения лежали глубинные экономические интересы взаимного характера. На тот исторический момент дружба двух государств с совершенно различными социально-экономическими и идеологическими устройствами общества, вкупе с взаимоисключающими притязаниями сторон на гегемонистское положение в системе международных отношений сулила обеспечить участникам союза экономическим ростом и процветанием в долгосрочной перспективе. В каком-то смысле можно считать Китай и США друзьями поневоле, так как конкретные исторические условия детерминировали выбор их политического курса в сторону сближения. Монополистический капитал, который на международной арене действовал в облики американского государства, поскольку выбрал Соединенные Штаты главной территорией своего базирования, притягивался многочисленным населением Китая словно магнитом. Для капитала такое население представляет ценнейший ресурс, который был на определенном историческом этапе организован в огромную промышленную армию. В эпоху царствования финансово-промышленных монополий китайская армия наемных работников начинает принадлежать всему мировому капиталу. На эту армию была возложена задача обеспечить, в первую очередь, поставителей «золотого миллиарда» всей совокупностью различных товаров и услуг. Осуществление этой задачи предполагало импорт и внедрение западных технологий промышленного производства, а также цифровых технологий последнего поколения. Как мы можем заметить, притяжение двух сторон произошло естественным ходом и потребностью исторического процесса. Но это притяжение и порожденные им торговые отношения неизбежно оборачиваются в рамках бесконечного капиталистического соревнования антагонизмом и рисками для обоих «заклятых партнеров». Авторам методологии дерискинга торгово-экономических отношений следует уяснить фундаментальный закон неравномерности развития капиталистических отношений, который был всесторонне разработан и обоснован В.И. Лениным в 1916 г. в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» [5]. Согласно этому закону глобальная торговля является универсальным «послом мира и войны». Постоянно растущий объем мирового экспорта, превысивший в 2022 г. 22 трлн долл. [11], являет собой изобилие товаров и денег, не только удовлетворяющее самые разнообразные потребности и интересы, но и несущее в себе причинность рисков и конфликтов, которые возникают в результате передела прибылей. Управленческая стратегия дерискинга лишена необходимой для анализа политического измерения международных экономических отношений концептуальной оптики и, следовательно, неспособна разъяснить, что собой представляет источник рисков в действительности. С этой задачей, на наш взгляд, способна справиться методология анализа современных риск-рефлексий, разработанная представителями конфликтологической школы СПбГУ. В рамках данного подхода в периоды борьбы, а глобальная экономика есть не что иное как поле неувыдающего конфликта в рамках экономической конкуренции, увеличивается степень риска, так как увеличивается не только перспектива отрицания в будущем, но и отрицания в настоящем, в моменты текущих побед и поражений. В свою очередь риски как производные конфликта порождают конфликты, связанные с перспективой потери власти. Риски то определяют конфликт, то определяемы им, то являются причиной политического конфликта, то его следствием. Постоянное присутствие рисков в международных отношениях в том или ином положении делает конфликт то источником, порождающим риски, то их результатом. У политики и скроенной на западный манер демократии отсутствуют инструменты освобождения человечества не только от политических конфликтов, но и таких же рисков [9, с. 18–19].

Пример американо-китайской торговой войны демонстрирует нам, как Соединенным Штатам, несмотря на статус «старшего товарища» в отношениях с Ки-

таем, не удастся избежать властвования над собой рисков. В силу роста торгового дефицита они рискуют попасть и увязнуть в положении страны колониального типа. Обеспечение собственной жизни предметами и средствами потребления было обусловлено импортом и внедрением новейших производственных технологий в стране, отстающей в технологическом развитии от своего партнера. Однако со временем нижестоящий партнер сумел усвоить разработку собственных технологий, имитируя западные, и встал на путь опережающего роста и потенциальной технологической независимости, в то время как зависимости США от импортируемых из Китая товаров потребления никуда не делись. Одновременно с рисками попадания в зависимость от китайских товаров замаячили риски потерять технологическую монополию. На протяжении вот уже десятилетий ВВП Китая стабильно рос, что позволяло инвестировать получаемые от экспорта прибыли в укрепление собственной технологической безопасности.

Объективность риска как для Соединенных Штатов, так и для всех участников международной экономической жизни вытекает из того простого факта, который заключается в том, что господствующие отношения представляют собой не продукт независимой самостоятельности людей, а продукт отношений, опосредованных вещами, в которых посредник из рядового сводника превращается в абсолютную силу влияния. Посредник становится объективной властью, определяющей, регулирующей и контролирующей, подчиняющей себе волю, обуславливая властные действия и решения [10, с. 404].

Заключение

Соединенные Штаты как государство выросло в совокупного капиталиста, на территории которого на определенном историческом этапе сформировались условия, которые позволили выстроить практику наибольшего благоприятствования для ускоренного прохождения пути технологических цепочек от внедрения результатов научно-технического прогресса до промышленного применения их в жизни. Эти условия в основе своей коренятся в отношениях частного присвоения, которые рождают либеральный порядок со святостью принципа свободы частной инициативы. Крупный капитал благодаря своим природным задаткам постоянно монополизировал знания и достижения научно-технического прогресса и осуществляет метаморфозу превращения знаний в товар. Технологии суть знание в товарной оболочке, и это знание в эпоху частного присвоения способно создавать несоизмеримые богатства, если попробовать соотнести объем вложенных инвестиций и полученных результатов в виде прибылей, доходов и прочих материальных богатств. В этой связи, стечение исторических обстоятельств, сообразуясь с законами капиталистической мир-системы, дарует США позицию риск-бенефициара. Эта пальма первенства защищается триединым механизмом сохранения технологического превосходства, военно-силового давления, а также финансового колониализма. Приближение одного из «младших партнеров» к паритетности в отношениях с Вашингтоном рассматривается как угроза потери позиции риск-бенефициара. Риск-бенефициары не могут допустить такого сценария, стремясь навязать аутсайдерам удобный им формат риск-рефлексии, а также сформировать в своих интересах стратегии адаптации, ограничивая возможности их выбора [3, с. 521]. Попытка возвышения партнера, которому была уготована участь аутсайдера, порождает у риск-бенефициара ответную реакцию вернуть аутсайдера в его родное лоно посредством минимизации последствий риска для себя за счет других и поддержки различных рестриктивных мер купирования рисков [3, с. 522]. В результате на свет появляется стратегия дерискинга отношений с партнером, который постепенно переходит в разряд недружественного партнера по мере отрыва

его от роли риск-аутсайдера. Вместе с этим за стратегией дерискинга, в сущности, может скрываться стремление увеличить цену за интеллектуальную ренту, взимаемую при продаже западных патентов и технологий с Китая. Некоторым подтверждением тому может служить факт, заключающийся в том, что недружественный партнер все еще остается таковым вопреки обострению торговой войны, о чем свидетельствует рост внешней торговли США с Китаем до нового исторического рекорда, составившего 690,59 млрд долл. по итогам 2022 г. [7].

В определенный исторический период Соединенные Штаты начали активно вписывать Китай в мировой порядок, следуя собственным экономическим и политическим интересам. Китай был включен в мировую схему функционирования капиталистического порядка как элемент конкурентной борьбы. Это борьба в рамках торговых отношений не выступает против общего порядка, а функционирует в рамках онтого. С течением времени Китай начал претендовать на место мирового стэйкхолдера и риск-бенефициара, что потенциально подготавливает почву для понижения США до уровня аутсайдера со всеми вытекающими последствиями беззащитного положения в противодействии угрозам и опасностям, нависающим над всеми участниками мировой схватки. В этом смысле Соединенные Штаты вписывают новые риски в подконтрольный им порядок и обозначают их, в первую очередь, как риски быть поглощенными китайскими капиталами. В этой связи, наш тезис совпадает с концепцией Д. А. Абгаджавы, согласно которой власть обладает широким спектром возможностей легитимизировать риски и выдавать за значимое то, что определяется как значимое. Сам риск, по мнению Д. А. Абгаджавы, рассматривается не как реальный объект, а как форма репрезентации реальности, придающая ей разнообразные формы и позволяющая оказывать управленческое воздействие [1, с. 511–527].

Риски суть эпифеномен борьбы [2, с. 520], под аккомпанемент рисков разворачивается конкуренция между капиталами и их охранителями в лице современных государств. Конкуренция приближает и объединяет своих участников, и они неспособны вырваться из этого единства, которое обусловлено диктатом глобального экономического хозяйства. Однако в рамках этого единства над участниками всегда повисает «дамоклов меч» войны. Причиной тому является нескончаемый передел рынков. Передел в рамках мирного способа взаимодействия осуществляется, покуда ресурс общности интересов не оказывается истощенным. Передел в рамках конфликтного способа взаимодействия является себя в момент, когда риск-бенефициары начинают ощущать потенциальный сдвиг баланса сил в результате утративания собственной монополии распределителя рисков в своих интересах [2, с. 520]. Реакцией на возможность утраты своего монопольного положения является рождение импульса встряхнуть отношения и изменить их динамику в нужном для себя направлении. Эти импульсы обнажают присущие системные противоречия и детерминируют вспышку нового витка горячей торговой войны. Пребывая в отношении отрицательного единства [6, с. 74], участники не располагают иным выбором, кроме как достижения одинаковых для всех участников целей обогащения посредством отрицания друг друга, и всякий раз предпринимают попытки установить неэквивалентность экономического обмена в свою пользу.

Резюмируя все вышесказанное, следует подчеркнуть, что анализ риск-рефлексий в рамках конфликтологического подхода обладает необходимыми познавательными и концептуальными инструментариями, позволяющими объяснить диалектический характер всей совокупности связей и отношений между участниками глобального экономического сражения.

Литература

1. Абгаджав Д. А. Риск, риск-рефлексия и проблема социально-политического порядка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 3. С. 511–527. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.308>
2. Алейников А. В., Стребков А. И., Милецкий В. П. Конфликтный потенциал риск-рефлексий: концептуальные построения и исследовательские проблемы современной аналитики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 514–530. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.309>
3. Дуглас М. Риск как судебный механизм // THESIS, 1994. Вып. 5. С. 242–276.
4. Лаврентьев А. К. США: силовая дипломатия в Азии. М. : Междунар. отношения, 1980.
5. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Популярный очерк / Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 27. М. : Издательство политической литературы, 1969. 644 с.
6. Мусаев А. И. Социальная дистанция как фактор этнополитических конфликтов в современной России: специальность 23.00.06 «Конфликтология» : дис. ... канд. полит. наук, 2018.
7. Объем торговли США и Китая обновил исторический рекорд [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/02/10/962429-obem-torgovli-ssha-i-kitaya-obnovil-rekord> (дата обращения: 31.12.2023).
8. Сабельников Л. В. Война без перемирия: формы и методы экон. агрессии. М. : Мысль, 1983.
9. Стребков А. И., Газимагомедов Г. Г., Мусаев А. И., Смирнов Н. Г. Атрибутивный характер рисков в политическом конфликте // Конфликтология. 2023. Т. 18. № 1. С. 9–25. DOI 10.31312/2310-6085-2023-18-1-9-25. EDN BYEVVO. С. 18–19.
10. Стребков А. И., Мусаев А. И. Риск власти — власть риска // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 2. С. 394–406. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.215>
11. Торговый партнер: Весь мир [Электронный ресурс] // TrendEconomy. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/TOTAL (дата обращения: 31.12.2023).
12. Betting big on quantum [Электронный ресурс] // McKinsey&Company. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/sustainable-inclusive-growth/chart-of-the-day/betting-big-on-quantum> (дата обращения: 22.11.2023).
13. Biden to Restrict Investments in China, Citing National Security Threats [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/08/08/business/economy/biden-china-companies-restrictions.html> (дата обращения: 22.11.2023).
14. Chart of the Day: China Retains Crown as World's Biggest Manufacturer [Электронный ресурс] // CAIXIN GLOBAL. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/08/23/derisking-us-china-biden-decoupling-technology-supply-chains-semiconductors-chips-ira-trade/> (дата обращения: 22.11.2023).
15. China poses biggest threat to global security, says Sunak [Электронный ресурс] // Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/may/21/china-poses-biggest-threat-to-global-security-says-sunak> (дата обращения: 21.12.2023).
16. China's role in the global biotechnology sector and implications for US policy [Электронный ресурс] // BROOKINGS. URL: <https://www.brookings.edu/articles/chinas-role-in-the-global-biotechnology-sector-and-implications-for-us-policy/> (дата обращения: 22.11.2023).
17. Demarais A. What Does 'De-Risking' Actually Mean? [Электронный ресурс] // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/08/23/derisking-us-china-biden-decoupling-technology-supply-chains-semiconductors-chips-ira-trade/> (дата обращения: 21.11.2023).
18. EU: De-risking as the new mantra for defining relations to China [Электронный ресурс] // 10 Years MERICS Getting China right. URL: <https://merics.org/en/eu-de-risking-new-mantra-defining-relations-china> (дата обращения: 23.12.2023).
19. How can the US and China prevent a war? [Электронный ресурс] // Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/business/2023/aug/28/how-can-the-us-and-china-prevent-a-war> (дата обращения: 24.12.2023).
20. If China invaded Taiwan it would destroy world trade, says James Cleverly [Электронный ресурс] // Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/apr/25/if-china-invaded-taiwan-it-would-destroy-world-trade-says-james-cleverly> (дата обращения: 23.12.2023).
21. Inflation Reduction Act of 2022 [Электронный ресурс] // IEA. URL: <https://www.iea.org/policies/16156-inflation-reduction-act-of-2022> (дата обращения: 22.11.2023).

22. *Muhammad A., Thompson J.* Whiskey, Brexit, and the Trade War // The International Trade Journal. 2022. DOI: 10.1080/08853908.2022.2111006
23. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on Renewing American Economic Leadership at the Brookings Institution [Электронный ресурс] // THE WHITE HOUSE URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/04/27/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-renewing-american-economic-leadership-at-the-brookings-institution/> (дата обращения: 22.12.2023).
24. Tech Leaders Warn the U.S. Military Is Falling Behind China on AI [Электронный ресурс] // TIME. URL: <https://time.com/6295586/military-ai-warfare-alexandr-wang/> (дата обращения: 23.12.2023).
25. The West's de-risking strategy towards China will fail, says Chris Miller [Электронный ресурс] // The Economist. URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2023/08/04/the-wests-de-risking-strategy-towards-china-will-fail-says-chris-miller> (дата обращения: 23.12.2023).
26. Washington's 'de-risking' of China ties might be just 'decoupling' in disguise [Электронный ресурс] // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202304/1289958.shtml> (дата обращения: 23.12.2023).
27. When will China's GDP overtake America's? [Электронный ресурс] // The Economist. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/06/07/when-will-chinas-gdp-overtake-americas> (дата обращения: 22.11.2023).
28. *Zirgulis A., Hashimoto T.* Trade Theory Vs Reality: The Banana Trade War. The International Trade Journal. 2023. № 37 (5). С. 502–518, DOI: 10.1080/08853908.2023.2206170

Об авторах:

Мусаев Абдурашид Идрисович, заведующий лабораторией сектора психологии, отдел по направлению «социально-экономические и гуманитарные науки», УТООП, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; rashidmuss@yandex.ru

Ахмед Зияд Мохаммед Салех, аспирант кафедры конфликтологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); alkasmy@mail.ru

Шихиев Зияд Фуадович, студент специалитета Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Российская Федерация); ziyadshikhiev@mail.ru

References

1. Abgadzhava D.A. Risk, risk-reflection and the problem of the socio-political order // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya]. 2020. Vol. 36. Is. 3. P. 511–527. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.308>.
2. Aleinikov A. V., Strebkov A. I., Miletskiy V. P. Risk-reflections' Conflict Potential: Conceptual Models and Research Problems of the Modern Analytics // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya]. 2023. Vol. 39. Is. 3. P. 514–530. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.309>
3. Douglas M. Risk as a judicial mechanism // THESIS, 1994. Is. 5. P. 242–276.
4. Lavrentiev A. K. USA: power diplomacy in Asia. Moscow : International. relations, 1980. (In Russ.)
5. Lenin V. I. Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. A Popular Outline / Lenin V. I. Complete works. 5th ed. Vol. 27. Moscow : Publishing House of Political Literature, 1969. 644 p. (In Russ.)
6. Musaev A. I. Social distance as a factor of ethnic conflicts in modern-day Russia: specialty 23.00.06 "Conflictology": PhD Diss., 2018. (In Russ.)
7. The volume of trade between the USA and China has updated the historical record [Electronic resource] // Vedomosti. [Vedomosti] URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/02/10/962429-obem-torgovli-ssha-i-kitaya-obnovil-rekord> (accessed: 31.12.2023). (In Russ.)
8. Sabelnikov L. V. War without truce: (forms and methods of economic aggression). Moscow : Mysl, 1983. (In Russ.)

9. Strebkov A. I., Gazimagomedov G. G., Musaev A. I., Smirnov N. G. The attributive nature of risks in a political conflict // *Conflictology [Konfliktologiya]*. 2023. Vol. 18. N 1. P. 9–25. (In Russ.) DOI 10.31312/2310-6085-2023-18-1-9-25. EDN BYEVO. P. 18–19.
10. Strebkov A. I., Musaev A. I. Risk of power — power of risk // *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya]*. 2020. Vol. 36. Is. 2. P. 394–406. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.215>
11. Trading partner: The whole world [Electronic resource] // *TrendEconomy*. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/TOTAL (accessed: 31.12.2023). (In Russ.)
12. Betting big on quantum [Electronic resource] // *McKinsey&Company*. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/sustainable-inclusive-growth/chart-of-the-day/betting-big-on-quantum> (accessed: 22.11.2023).
13. Biden to Restrict Investments in China, Citing National Security Threats [Electronic resource] // *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2023/08/08/business/economy/biden-china-companies-restrictions.html> (accessed: 22.11.2023).
14. Chart of the Day: China Retains Crown as World's Biggest Manufacturer [Electronic resource] // *CAIXIN GLOBAL*. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/08/23/derisking-us-china-biden-decoupling-technology-supply-chains-semiconductors-chips-ira-trade/> (accessed: 22.11.2023).
15. China poses biggest threat to global security, says Sunak [Electronic resource] // *Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/may/21/china-poses-biggest-threat-to-global-security-says-sunak> (accessed: 21.12.2023).
16. China's role in the global biotechnology sector and implications for US policy [Electronic resource] // *BROOKINGS*. URL: <https://www.brookings.edu/articles/chinas-role-in-the-global-biotechnology-sector-and-implications-for-us-policy/> (accessed: 22.11.2023).
17. Demarais A. What Does 'De-Risking' Actually Mean? [Electronic resource] // *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/08/23/derisking-us-china-biden-decoupling-technology-supply-chains-semiconductors-chips-ira-trade/> (accessed: 21.11.2023).
18. EU: De-risking as the new mantra for defining relations to China [Electronic resource] // *10 Years MERICS Getting China right*. URL: <https://merics.org/en/eu-de-risking-new-mantra-defining-relations-china> (accessed: 23.12.2023).
19. How can the US and China prevent a war? [Electronic resource] // *Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/business/2023/aug/28/how-can-the-us-and-china-prevent-a-war> (accessed: 24.12.2023).
20. If China invaded Taiwan it would destroy world trade, says James Cleverly [Electronic resource] // *Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/apr/25/if-china-invaded-taiwan-it-would-destroy-world-trade-says-james-cleverly> (accessed: 23.12.2023).
21. Inflation Reduction Act of 2022 [Electronic resource] // *IEA*. URL: <https://www.iea.org/policies/16156-inflation-reduction-act-of-2022> (accessed: 22.11.2023).
22. Muhammad A., Thompson J. Whiskey, Brexit, and the Trade War // *The International Trade Journal*. 2022. DOI: 10.1080/08853908.2022.2111006
23. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on Renewing American Economic Leadership at the Brookings Institution [Electronic resource] // *THE WHITE HOUSE*. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/04/27/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-renewing-american-economic-leadership-at-the-brookings-institution/> (accessed: 22.12.2023).
24. Tech Leaders Warn the U.S. Military Is Falling Behind China on AI [Electronic resource] // *TIME*. URL: <https://time.com/6295586/military-ai-warfare-alexandr-wang/> (accessed: 23.12.2023).
25. The West's de-risking strategy towards China will fail, says Chris Miller [Electronic resource] // *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2023/08/04/the-wests-de-risking-strategy-towards-china-will-fail-says-chris-miller> (accessed: 23.12.2023).
26. Washington's 'de-risking' of China ties might be just 'decoupling' in disguise [Electronic resource] // *Global Times*. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202304/1289958.shtml> (accessed: 23.12.2023).
27. When will China's GDP overtake America's? [Electronic resource] // *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/06/07/when-will-chinas-gdp-overtake-america> (accessed: 22.11.2023).

28. Zirgulis A., Hashimoto T. Trade Theory Vs Reality: The Banana Trade War // The International Trade Journal. 2023. N 37 (5). P. 502–518, DOI: 10.1080/08853908.2023.2206170

About the authors:

Abdurashid I. Musaev, Head of laboratory of psychology department in the field of the social and economic and arts sciences, St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Candidate of Science (Political sciences); rashidmuss@yandex.ru

Zyad M. S. Ahmed, Postgraduate student at the Conflict Study Department, Institute of Philosophy, St. Petersburg state University (Saint-Petersburg, Russian Federation); alkasmy@mail.ru

Ziyad F. Shihiev, undergraduate student, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov-on-Don Russian Federation); ziyadshikhiev@mail.ru